

Г.Б. КЛЕЙНЕР

Миссия Москвы как объекта стратегического планирования*

Москва как мегаполис представляет собой сложную социально-экономическую систему, в которой, говоря словами Ю. Лужкова, “рыночная основа экономики... дополняется зримой рукой государственной экономической и социальной координации” [Лужков, 2008]. Это означает, что стратегия Москвы должна строиться на базе современных вариантов системного подхода, учитывающих многофункциональность, многомерность, многосубъектность, многофакторность и полиструктурность социально-экономических объектов. Особую роль при построении стратегии мегаполиса играет определение его миссии – неотъемлемой части и фундамента стратегии, в обобщенной форме содержащей дескриптивную и нормативную информацию о предназначении системы и его реализации в стратегии. В данной статье я попытаюсь предложить системный подход к методологии определения миссии города.

Миссия социально-экономической системы

Разработка эффективных и реализуемых стратегий развития территориальных образований, в том числе субъектов Федерации, представляет собой сложную аналитическую и прогнозно-плановую задачу ввиду многообразия аспектов функционирования объектов планирования (см., например, [Лексин, 2009]). Экономические, социальные, экологические, гуманитарные проблемы в рамках стратегии должны быть увязаны между собой как в статике, так и в динамике, а также согласованы с соответствующими аспектами деятельности других социально-экономических систем, в том числе других территориальных образований, отраслей, рынков и страны в целом.

Одно из средств обеспечения целостности и внутренней сбалансированности стратегических документов – включение в стратегию *миссии* объекта, то есть лаконичного и емкого выражения предназначения данного объекта по отношению к другим социально-экономическим объектам и системам, связанным с данным объектом. Определение миссии – особая часть стратегического процесса, наиболее сложная часть творческой аналитической и синтетической деятельности в сфере планирования. Это связано с крайне высоким (по сравнению с другими компонентами стратегического плана) уровнем содержательности миссии, ее высокой информационной “плотностью”. Используя астрономическую аналогию, стратегическую миссию можно сравнить с “белым карликом” – небесным телом из сверхтяжелого и сверхплотного вещества, в то время

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 08-06-00223).

как остальные компоненты стратегического документа могут напоминать плотность обычного вещества или даже быть разреженными информационными объектами. Только в том случае, когда в состав стратегии включено такое “сверхтяжелое” тело и когда остальные разделы стратегии базируются на миссии, можно рассчитывать на целостность и выполнимость стратегического плана.

К настоящему времени накоплен значительный опыт разработки стратегических планов развития и функционирования городов и других субъектов Федерации, включая разработку миссии как компонента стратегии (см., например, сайт “Ресурсного центра по стратегическому планированию при Леонтьевском центре”, <http://www.city-strategy.ru>). 12 мая 2009 г. был подписан Указ Президента РФ № 536 “Об основах стратегического планирования в Российской Федерации”, определяющий структурные элементы системы стратегического и территориального планирования, типы и виды документов стратегического планирования. Вместе с тем конкретизация и внедрение положений Указа проходит крайне медленно. По мнению директора Центра стратегических разработок М. Дмитриева, “система долгосрочного планирования и управления территориальным развитием в России все еще находится в зачаточном состоянии”. Причины такого положения он видит и в дефиците профессиональных знаний и опыта, и в отсутствии нормативных актов системного характера в области стратегического планирования [Дмитриев, 2009].

Анализ опубликованных в различных источниках документов, касающихся миссий таких городов, как Волгоград, Екатеринбург, Казань, Омск, Южно-Сахалинск, Пермь, Хабаровск, Санкт-Петербург, Владимир, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Томск, Новосибирск, Череповец, а также 19 субъектов Федерации (области, автономные округа, края, республики), показывает, что данные разработки, как правило, не удовлетворяют минимальным требованиям стратегического планирования. Обычно они составляются формально, носят либо приземленный, утилитарный характер, либо отражают экзогенные цели, не обоснованные сущностью и возможностями планируемых объектов стратегического планирования. Вот как, например, оценивает городские стратегии О. Вендина: “Городские стратегии представляют собой прогнозные документы, рисующие желаемое будущее города. Они открываются определением миссии города и основных целей развития, имеющих весьма общий характер и совпадающих с приоритетами государственной политики, озвученными в посланиях президента. Местная специфика лишь намеком проглядывает через гладь общих слов. Стратегическое здание венчается системой конкретных мер (программ) по достижению плановых показателей. Хотя стратегии выстроены очень логично, они напоминают скорее победные реляции, нежели программу действий, поскольку нацелены на выстраивание соответствия между местными амбициями и имеющимися ресурсами. Конструкция эта выглядит довольно искусственно и рухнет при первой же серьезной экспертизе” [Вендина].

Одна из причин такой ситуации, по моему мнению, – высокие интеллектуальность и трудоемкость разработки миссии. Дело в том, что конкретное ее содержание нельзя полностью отнести к предметам стратегического *выбора*. Оно является предметом *познания* окружающего мира, инвариантных (имманентных) и допускающих изменение особенностей объекта планирования, траектории его развития. Если речь идет о таких объектах, как территориальные образования, то познание не может ограничиться ни научным, рациональным исследованием, ни чувственным, эмоциональным восприятием. Скорее, миссия появляется как результат *постижения* – сочетания всех видов проникновения в суть предмета, в данном случае в первую очередь в социально-экономический потенциал территории и духовно-нравственный потенциал ее населения. В определенном смысле миссия представляет собой амальгаму *действительного, осознаваемого и желаемого*. Определение и формулирование миссии – путь от осознания *предназначения* к пониманию *назначения* данного объекта в процессе собственного и общестранового развития. Определение миссии требует от разработчиков значительного напряжения духовных и интеллектуальных сил.

Используя аналогию между функционированием индивида (субъекта социума) и города (субъекта Федерации), можно сказать, что миссия представляет собой вербальное выражение *смысла жизни* данного объекта (или субъекта). Поэтому определение миссии конкретной социально-экономической системы требует от аналитика и планировщика не меньшего объема душевной и интеллектуальной работы, чем постижение смысла жизни конкретного индивида.

Фундаментальная проблема разработки миссии носит, если так можно выразиться, отчасти экзистенциальный характер. С понятием миссии тесно связано понятие “души” социально-экономической системы. Хорошо известно понятие души применительно к социальному субъекту – индивиду; часто употребляются понятия “душа коллектива”, “душа города”. В [Клейнер, 2000] было введено понятие “душа предприятия” как неповторимый идентификатор и движущая сила его функционирования и поведения. Если мы признаем индивидуальность каждой сколько-нибудь устойчиво функционирующей социально-экономической системы, мы должны признать наличие в системе некоего источника самостоятельной движущей силы, определяющей такие характеристики, как мера целеустремленности, степень уверенности в ожиданиях, степень учета интенций контрагентов, уровень соответствия особенностей функционирования системы ее интенциональным и экспектационным особенностям. Иными словами, речь идет о наличии “души” социально-экономической системы.

Дальнейшее развитие такого подхода неизбежно приводит к вопросу о степени индивидуальности “естественных” склонностей и интересов, присущих данной экономической системе. Является ли такая система не просто “социальной”, не просто “живой”, но и “одушевленной”? В отношении предприятий этот вопрос в современной теории, как известно, решается положительно. В литературе давно обсуждаются роль и индивидуальности фирмы как способа защиты конкурентных позиций, и создания индивидуальных брендов [Аакер, 2003; Уиллер, 2004], и развития “мозга” фирмы [Бир, 2005], проблема идентификации “души” предприятия [Клейнер, 2000; 2009]. Присутствие в системе некоей самостоятельной движущей силы, определяющей и меру целеустремленности интенций, и степень уверенности в ожиданиях, и степень учета интенций других участников рынка, и уровень соответствия особенностей функционирования системы ее интенциональным и экспектационным характеристикам. Наиболее естественное название для такого источника – “душа” системы.

Вновь повторю: такой подход неизбежно приводит к вопросу о степени индивидуальности “естественных” склонностей и интересов, присущих данной экономической системе. Является ли такая система не просто “социальной”, не просто “живой”, но и “одушевленной”? В отношении фирм этот вопрос в современной теории, как известно, решается положительно. В литературе давно обсуждаются и роль индивидуальности фирмы как способа защиты конкурентных позиций, и вопросы создания индивидуальных брендов [Аакер, 2003; Уиллер, 2004], и проблема идентификации “души” предприятия [Клейнер, 2000; 2008^a]. Фирма перестала быть типовой: она стала индивидуальной, справедливо отмечают, говоря о современной концепции фирмы, А. Бухвалов и В. Катъкало [Бухвалов, Катъкало, 2005]. Ряд авторов ведут речь даже о моральных особенностях “души” предприятия, о “сознании” и “совести” организации [Годпастер, Холлоран, 2006; Благов, 2006].

Деятельность экономической системы можно представить в виде взаимодействия ее функциональной, интенциональной и экспектационной подсистем [Клейнер, 2007; 2009]. Взаимодействие “души” экономической системы с тремя ее основными подсистемами представлено на рисунке 1. Мы видим, что душа воздействует как на каждую из подсистем, так и на каналы взаимодействия между ними. При этом связи “души” с тремя подсистемами носят взаимный характер; это означает, что душа подвергается влиянию со стороны этих подсистем в рамках процессов рефлексии, осознания, планирования и прогнозирования.

Таким образом, “душа” играет роль медиатора и координатора (если пользоваться музыкальными аналогиями – дирижера) функциональных, пространственных, мен-

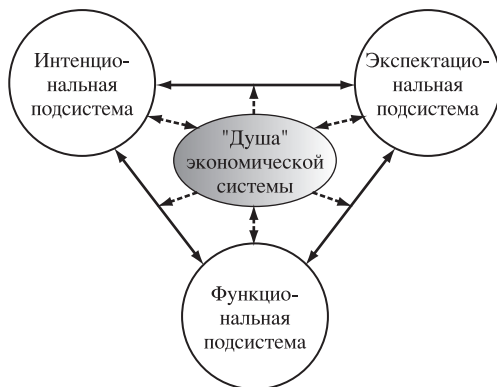

Рис. 1. Основные подсистемы экономической системы и каналы их взаимодействия.

тальных и темпоральных аспектов деятельности экономической системы в долгосрочном плане. Одновременно духовно-нравственное начало в жизнедеятельности системы, сосредоточенное в "душе" данной системы, формирует критерии деятельности системы и реализует их в функционировании подсистем.

Исследование "души" системы как концентрированного выражения ее сущности, точнее говоря – ее потенциала, притязаний и ожиданий должно стать начальным этапом при определении миссии системы. Поэтому характерные проявления "души", выраженные в особенностях поведения системы в целом и ее индивидуальных представителей, служат базой для определения миссии.

Методологические замечания и требования к миссии города

Стратегическое планирование функционирования и развития социально-экономических систем предполагает разработку единого документа (стратегии развития), взаимоувязанные части которого характеризуют базисные стратегические решения в сфере использования ресурсов и возможностей системы для ее эффективного функционирования и устойчивого развития. При этом к стратегическим относятся решения, которые имеют долгосрочные, существенные и труднообратимые последствия для исследуемого объекта.

Стратегия развития системы должна быть внутренне единой, последовательной и целенаправленной, в то время как деятельность социально-экономической системы носит весьма разнообразный и многоцелевой характер, ориентирована как на удовлетворение потребностей внешней среды, так и на соответствие запросам и целям развития внутренней среды, а также на обеспечение устойчивого и безопасного функционирования системы, охрану ее границ. Поэтому стратегия должна опираться на надежный фундамент, удерживающий ее от распада. Таким фундаментом является миссия системы – продуманное и осознанное лаконичное изложение предназначения системы в окружающем мире в течение планируемого срока.

Миссия должна стать результатом познания будущего системы в связи с ее настоящим и прошлым. По отношению к городу это означает, что в миссии должны быть органически соединены в определенных пропорциях история города (прошлое), его проблемы и ресурсный потенциал (настоящее), его возможности в окружающем мире (будущее). Поскольку город относится к системам со слаборегулируемым и более или менее устойчивым составом населения, в миссии должны найти отражение запросы существующего и будущих поколений его жителей.

Каждая социально-экономическая система может быть представлена в виде пересекающихся в пространстве подсистем: внутренней среды; внешней среды; границ

Рис. 2. Системные составляющие миссии.

системы (см. рис. 2). Миссия должна входить в качестве самостоятельного документа (самостоятельного раздела) в комплект документов стратегического планирования и удовлетворять следующим требованиям:

- выражать согласованные и зафиксированные (принятые) в соответствии с определенной процедурой взгляды руководства системы на ее существенные особенности по сравнению с другими подобными системами, ее прошлое (историю), настоящее (проблемы) и будущее (развитие);

- служить надежной базой для процесса развертывания миссии в стратегию, определения стратегических ориентиров (целей), задач и планов действий, в том числе служить ориентиром для сравнения и выбора альтернативных вариантов стратегических решений;

- отражать запросы, требования и вызовы со стороны внешней среды, а также потребности внутреннего эволюционного развития с учетом специфики и истории развития системы, а также закономерностей саморазвития социума;

- нести как участникам функционирования системы, так и другим заинтересованным лицам (социально-экономическим системам) информацию (“послание”) о предназначении, смысле существования системы, о том, какие функции она будет выполнять по отношению к внешней и внутренней среде во всех существенных аспектах функционирования системы;

- иметь стимулирующее, вдохновляющее воздействие на всех лиц, связанных с деятельностью объекта, прежде всего на реальных и потенциальных *инвесторов* – лиц, использующих свои ресурсы и возможности для улучшения состояния и результатов деятельности системы, а также на *выгодополучателей* – лиц, использующих результаты работы объекта для улучшения своего финансово-экономического состояния;

- сочетать конкретность и обобщенность, реалистичность (“приземленность”) и романтичность (“полетность”);

- быть корректной, лаконичной, емкой и вместе с тем понятной (на обобщенном уровне описания).

Миссия – не только фундамент, но и несущая конструкция, каркас стратегии, ориентир, с которым следует сверять конкретные решения. Таковы основные *внутренние* для стратегического процесса функции миссии как стратегического документа. Основная *внешняя* функция этого документа – служить имиджеобразующим фактором, быть открытым для общества лицом данного объекта (города). Более утилитарное назначение миссии состоит в ее использовании потенциальными и реальными контрагентами (в случае города – потенциальными жителями, коммерческими организациями, субъектами Федерации и др.) для принятия решений о возможностях установления контактов того или иного рода с городом.

При переходе объекта (в нашем случае – Москвы) на систематическое регулярное стратегическое управление миссия как основа стратегии должна быть рассчитана на неопределенный по длительности период, который можно охарактеризовать как “обозримое будущее”. Это означает, что миссия распространяется на период, для которого существенные для объекта особенности окружающей среды могут быть отражены в

небольшом количестве (2–5) альтернативных сценариев будущего, убедительных для разработчиков миссии и для экспертного сообщества. В принципе миссия, так же как и другие компоненты стратегии, может допускать корректировку, однако она должна быть наиболее стабильным элементом стратегии.

Процессы подготовки, обсуждения и принятия (а впоследствии – корректировки) миссии Москвы должны осуществляться в рамках предварительно разработанной и утвержденной руководством города экспертно-общественной процедуры, предусматривающей всестороннее изучение предлагаемых вариантов в органах представительной и исполнительной власти городского и федерального уровня, а также в экспертном сообществе и среди представителей городской и федеральной общественности.

Каждая социально-экономическая система может быть отнесена к определенному уровню в иерархической структуре экономики. Этими уровнями являются: мегаэкономика (глобальная экономика); макроэкономика (страновая экономика); мезоэкономика (отрасли, регионы, межотраслевые комплексы); микроэкономика (хозяйствующие субъекты) и наноэкономика (индивиды как экономические субъекты) [Клейнер, 2004⁶]. В этой классификации Москва как объект стратегического планирования относится преимущественно к мезоэкономическому уровню. Это значит, что миссия города должна учитывать роль Москвы в территориально-отраслевой структуре России, ее взаимосвязи с другими городами и производственными комплексами.

Вместе с тем как столица России она имеет важное макроэкономическое значение и должна принимать активное участие в реализации миссии и стратегии России в целом. Речь идет о сетевой функции Москвы как одного из городов России. На уровне крупных городов как территориальных центров основные аспекты миссии России должны быть определенным образом *распределены* между узлами сети таких городов.

В сообществе крупнейших городов мира Москва наделена также определенной мегаэкономической миссией. Кроме того, Москва – естественный “центр притяжения” для миллионов граждан России и других стран и имеет, следовательно, наноэкономическую миссию. Таким образом, в составе миссии должны быть отражены мега-, макро-, мезо-, микро- и наноэкономические аспекты (границы) миссии Москвы.

Особенности Москвы как объекта стратегического планирования

Москва как социально-экономическая система, рассматриваемая в ракурсе стратегического планирования и управления, обладает выраженными устойчивыми структурно-функциональными особенностями, которые должны быть учтены при определении ее миссии. Перечислю и охарактеризую кратко эти особенности.

1. **Лидерская функция столицы.** Исторически Москва – естественный страновой лидер, центр и локомотив социально-экономической и духовной жизни российского государства. Российское общество, как известно, относится к числу “лидерских” [Пригожин, 1996]. Его поведение во многом – реакция на действия лидера, в макросоциальном и макроэкономическом плане – на действия Москвы. Следует полагать, что при любом мирном сценарии развития России ведущая функция Москвы должна быть сохранена и упрочена.

2. **Культурная функция.** Москва – носитель и хранитель некоторых характерных черт российской культуры. К индивидуальным компонентам такой культуры (“культуры москвича”) относится открытость, гостеприимство, великодушие, готовность к празднику, изобретательность, определенная брутальность (порой граничащая с грубостью), многослойность в восприятии мира (наследие язычества), поведенческий конформизм в сочетании с оригинальностью поведения, приоритет влияния на поведение личностных и ситуационных факторов перед правовыми и перспективными факторами (“теория близкодействия”). Этими особенностями “московской культуры” в значительной степени объясняется формирование негативных образов Москвы в глазах немосквичей (вспомним известные выражения “Москва слезам не верит”, “Москва

бьет с носка” и т.п.). Поэтому в стратегии Москвы должна найти отражение и коррекционная часть культурной миссии, связанная с формированием нового духовного образа “россиянина XXI века”. Речь при этом идет не только о коррекции национальной культуры, но и об активном влиянии Москвы на общемировую цивилизационный процесс формирования члена “общества знаний” [Макаров, 2003], ориентированного на приоритет интеллектуальных и духовных ценностей.

3. **Экспертно-коллекторская функция.** Москва играет роль окна взаимодействия России с глобализированным внешним миром. Именно через Москву в Россию приходят различного рода мировые инновации, начиная от западной моды в мире шоу-бизнеса и кончая новыми научными концепциями. Аналогичную роль Москва играет и в отношении новшеств, зарождающихся на просторах России: их распространение “в обход” Москвы крайне редко. Москва выполняет функцию экспертного института, способствующего или препятствующего распространению по территории России новшеств, как поступающих из-за рубежа, так и из России (в том числе и возникающих в самой Москве). “Собирание”, анализ и отбор для распространения инноваций различного рода, включая как новые институты, так и новые феномены, – неотъемлемая прерогатива столицы России. В итоге Москва выполняет функцию формирования эталонов (образцов) в различных сферах социально-экономической жизни.

4. **“Кастинговая” функция.** Эта функция аналогична предыдущей, однако распространяется не на институты и явления, а на социум. Москва служит инструментом социального лифтинга, позволяющего способным и целеустремленным индивидам сделать попытку реализовать свои притязания или амбиции. В определенной степени она реализует и обратную функцию – инструмента нисходящей социальной мобильности. В итоге Москва выступает как аттрактор для наиболее пассионарной части населения России. Результатом кастинговой функции оказывается не только создание элиты российского общества, но и формирование критериев продвижения, а отсюда – ценностной структуры общественного сознания.

5. **Арбитражная функция на макроуровне.** Москва – важное связующее звено между тремя основными стронообразующими системами: государством (как политической организацией), обществом (населением, а также различными общественными организациями) и бизнесом (экономикой). Здесь концентрируются каналы взаимосвязи между ними, формируется баланс (или дисбаланс) сил в этой конфигурации. Чтобы избежать перекосов как в сторону тоталитаризма, так и в сторону “анархизма” или “экономизма”, Москва должна выполнять роль арбитра в отношениях между силами, стоящими за этими влияниями.

6. **Символическая функция.** Москва – естественный символ страновой идентичности России, центр и инструмент интеграции России в социально-экономическом и географическом пространствах, а также регулятор характера развития России во времени. Нельзя не отметить также сильную символическую роль Москвы в мировом социально-экономическом сознании. Здесь Москва выступала и в качестве символа брутальности и мощи, и как символ непредсказуемой и резкой политической силы, и как символ духовных инноваций, обусловленных развитием культуры, искусства и литературы. При формировании миссии следует уходить от негативных сторон московской символики при усилении позитивных аспектов, связанных с интеллектуально-куотиурным и духовным потенциалом Москвы.

7. **Интеграционно-эволюционная функция.** От Москвы в решающей степени зависит обеспечение единства страны в социально-экономическом и территориальном пространстве и во времени, преемственности развития, гармонизации состояния и согласования интересов различных слоев общества, социальных и региональных групп. Москва должна усилить свою роль генератора инновационных проектов, реализуемых как непосредственно в столице и других городах, так и в масштабах регионов и страны в целом. Совокупность таких проектов должна реализовывать эволюционное поступательное движение страны на инновационной основе. Вне роли Москвы невозможно представить себе достижение и поддержание оптимального соотношения

между интенсивностью перемен и стабильностью развития; между постепенным и скачкообразным характером общественного движения, между дифференциацией и однородностью социума.

В наиболее концентрированном выражении адекватным образом Москвы в стратегическом аспекте представляется восприятие Москвы как *сердца России*. Подобно сердцу Москва осуществляет перекачивание огромного объема материальных, финансовых, организационных, человеческих ресурсов, стягивая их со всей территории России и возвращая их туда после насыщения новыми свойствами.

В контексте рассмотрения Москвы в ансамбле российских городов следует определить особенности исполняемых и планируемых ее функций в сравнении с функциями других крупных российских городов. Здесь особое значение имеет анализ сопоставления и взаимодействия стратегических функций Москвы со стратегическими функциями Санкт-Петербурга и Екатеринбурга.

Москва сейчас – открытые ворота в мир западной и восточной экономики и культуры, через которые западные стандарты (образ жизни, образ поведения, мышления) почти беспрепятственно проникают в Россию и распространяются затем по ее территории. Санкт-Петербург мог бы внести некоторую систему в этот процесс беспорядочных заимствований, с одной стороны, “фильтруя” этот поток, с другой – сохраняя преемственность исторического развития отечественной (в широком смысле) культуры. Петербург делит с Москвой также ведущую роль в формировании нравственных ценностей и ориентиров для жителей России, однако главенствующая роль в очищении входящих потоков должна принадлежать все же Петербургу. Екатеринбург как индустриальный центр может стать третьей вершиной треугольника “экономические инновации–духовное наполнение–промышленное внедрение”, где на основе инновационных потоков из Москвы и фильтрующей функции Петербурга осуществляется имплементация этих потоков в индустриальную экономику.

При определении миссии Москвы необходимо учесть также будущее положение города между полюсами известных оппозиций, характеризующих принципиальные варианты развития городов. Основными при этом являются три вида оппозиций.

1. **Первая: дегуманизация–гуманизация.** Необходим баланс между утилитарными функциями города как локомотива экономики и интеллектуально-духовными его функциями как среды развития человека и социума. В настоящее время благодаря идущим из Москвы импульсам, обусловленным столичным статусом и старинными “купеческими” традициями, этот баланс сдвигается в сторону утилитаризма, дегуманизации. Подавляющее большинство региональных центров России не в состоянии оказать существенное влияние на этот баланс. Единственный город, которому это под силу, – Санкт-Петербург. Такое предназначение города отвечает его потенциалу, историческому пути, а также в значительной мере отражает духовные и нравственные потребности и возможности его населения. Если Москва – это *urbi economicus* (город, нацеленный на развитие экономики), то Санкт-Петербург – *urbi institutus* (город, нацеленный на развитие институциональной-культурной структуры общества) (ср. с [Клейнер, 2004^a]). Учитывая разделение функций между этими городами, в стратегии Москвы данный баланс должен располагаться ближе к “полюсу утилитарности”.

2. **Вторая: локальная и сетевая функции города.** Здесь необходим баланс между функциями города “для себя” и “для других”. На полюсах континуума располагаются лозунги “Москва для москвичей” и “Москва – всероссийский донор”. Миссия столицы – не только поглощать региональные ресурсы, но и возвращать их после отбора, фильтрации и соединения с имеющимися запасами в провинцию. В противном случае страна останется раздробленной. Искомый баланс должен находиться вблизи середины представляющего данную оппозицию отрезка.

3. **Третья: стабильность и изменчивость.** В данном случае континуум соединяет “полюс стабильности” и “полюс изменчивости”. Как сохранение стабильности, так и стремление к постоянной изменчивости сопряжены с рисками. Необходим дина-

мичный баланс гармоничности развития, обеспечивающий совокупную минимизацию рисков обоих видов [Клейнер, 2008⁶]. Инновационный характер развития Москвы требует локализации точки баланса ближе к “полюсу изменчивости”.

Грани миссии Москвы

Различные аспекты миссии Москвы целесообразно рассматривать, как говорилось выше, в соответствии с иерархической структурой реципиентов миссии – подразделений экономики, упорядоченных в зависимости от масштабов соответствующих частей экономики: от уровня глобальной экономики (мегауровень) до уровня человека как экономического агента (наноуровень).

По отношению к миру в целом (*мегауровень*) Москва имеет все основания претендовать на роль духовно-нравственного аттрактора, источника новых идей и образцов. Вряд ли Москва сможет стать полноправным “законодателем мод” в духовной жизни современного западного общества, но она вполне может исполнять роль духовного инноватора, своеобразного раздражителя, реакция на поведение которого и оказывает существенное влияние практически на все аспекты общемировой моды. В частности, функции Москвы как мирового ньюсмейкера достойны быть отраженными в миссии города.

Опираясь на анализ особенностей Москвы, многообразие исполняемых ею в настоящее время и в прошлом функций, запасов интеллектуально-образовательного, промышленного, коммуникационного и духовно-нравственного потенциала, можно утверждать, что по отношению к экономике и социуму России в целом (*макроуровень*) Москва должна закрепить за собой инновационно-пассионарное лидерство в России.

По отношению к *региональному мезоуровню*, прежде всего к сети городов России, Москва должна принять на себя, кроме миссии транслятора инноваций, “материнскую” миссию социально-экономической поддержки. Обладая в силу своего столичного положения социально-экономическим потенциалом, многократно превышающим потенциал каждого из остальных городов, Москва должна использовать часть извлекаемой ею экономико-географической ренты для поддержки инновационного развития других городов страны.

Миссия Москвы по отношению к отраслям российской экономики (*отраслевой мезоуровень*) следует рассматривать прежде всего как миссию поддержки реализации стратегии России в целом. Отраслевые приоритеты экономической политики в масштабах России должны быть отражены в стратегии развития Москвы. Учитывая естественные риски, связанные с борьбой различных политических сил близ руководства страны, и вытекающие отсюда возможные зигзаги ее общественного и экономического движения, Москва должна взять на себя миссию стабилизатора социально-экономического развития России и в этом качестве способствовать обеспечению минимального уровня развития отраслей, от которых зависит или в перспективе может зависеть безопасное развитие экономики России. Это означает, что в структуре экономики Москвы должно быть в той или иной мере представлено большинство основных жизнеобеспечивающих отраслей народного хозяйства. Вовсе не требуется, чтобы в столице была организована добыча нефти, но среди других и эта сфера, далекая географически от Москвы, должна быть предметом наблюдения и поддержки со стороны городских властей (например, в части подготовки кадров для отрасли, проведения исследований и т.д.).

Важный аспект миссии Москвы в рамках мезоуровня – ее миссия по отношению к самой себе (“*автомиссия*”). Она касается вопросов функционирования Москвы как города, в первую очередь – проблем внутренней и внешней безопасности, сохранения или целенаправленного изменения его границ, функционирования и развития городского хозяйства, систем жизнеобеспечения. Вопрос о территориальных границах между Москвой и Московской областью, целесообразности консолидации этих субъектов, проницаемости границы между ними для управленческих, материально-финансовых,

информационных и иных потоков и импульсов требует взвешенного подхода и должен решаться с учетом многих, в том числе внеэкономических, факторов. В детальной стратегии развития Москвы он может быть отражен в полной мере. Что же касается миссии, то здесь следует говорить о более общем процессе *гармонизации* социально-экономического развития Москвы и Московской области. Миссия города в части функционирования и развития городского хозяйства должна ориентировать стратегию на эволюционный процесс модернизации городского хозяйства в целях улучшения качества жизни жителей и гостей города при сохранении бесперебойной работы систем жизнеобеспечения.

Микроуровневая составляющая миссии Москвы связана с позицией в отношении хозяйствующих субъектов, функционирующих в городе, в первую очередь промышленных предприятий. Здесь реализация сформулированных выше макроэкономических аспектов миссии Москвы требует, с одной стороны, развития и модернизации московских предприятий независимо от отраслевой принадлежности (исключая вредные в экологическом смысле производства), с другой – усиления их функций как генератора и распространителя отраслевых и межотраслевых организационно-технологических инноваций. В связи с этим следует способствовать установлению и поддержанию сетевых связей промышленных предприятий города с одноотраслевыми предприятиями, расположенными в других населенных пунктах России с целью трансферта прогрессивных технологий. Предлагаемая иногда ориентация экономической политики столицы на безоговорочный вывод промышленных предприятий за пределы Москвы затруднит выполнение ею миссии инновационного лидера и локомотива экономики России.

Завершающая часть описания граней миссии Москвы – уточнение ее миссии по отношению к гражданам России (*внешняя наноэкономическая миссия*) и к москвичам (*внутренняя наноэкономическая миссия*). Для немосквичей молодого и среднего возраста столица должна быть точкой притяжения, своеобразным аттрактором энергичных и амбициозных людей, стремящихся осуществить самореализацию или реализацию своих конструктивных идей. По сути, речь идет об инвестиционной привлекательности Москвы как реципиенте “человеческих инвестиций” в потенциал и экономическую мощь города. Это накладывает требования на систему образования, трудоустройства, управления интеллектуальными ресурсами в различных организациях города. Вместе с тем следует поддерживать и обратное, центробежное движение кадров: люди, получившие образование, передовые производственные знания и навыки, должны “оплодотворять” периферийные предприятия и организации. В настоящее время этот процесс набирает силу, и он должен быть поддержан как один из мощных факторов модернизации России. Таким образом, Москва должна играть роль своеобразного насоса, реализующего трудовую миграцию наиболее подготовленной, целеустремленной и энергичной части российского социума.

Наконец, по отношению к москвичам необходимо реализовать важнейшую часть миссии: обеспечение роста качества жизни москвичей. Эта миссия должна рассматриваться, с одной стороны, как условие для реализации остальных аспектов миссии Москвы, с другой – как следствие столичного лидерства в социально-экономической жизни России.

Таким образом, в предельно обобщенном и сжатом виде миссию Москвы можно сформулировать следующим образом: *сохранение исторической идентичности России, обеспечение интегрированного в пространстве и преемственного во времени устойчивого гармоничного социально-экономического развития страны и роста качества жизни москвичей на базе генерации, абсорбции, отбора и распространения потоков социальных и экономических инноваций между Москвой и остальной Россией, интеллектуально-духовного лидерства Москвы в стране и значимой интеллектуально-духовной роли в мире.*

В заключение приведу предлагаемую процедуру легитимизации миссии города.

Этап 1. Публикация подготовленного варианта миссии Москвы в научной периодической печати.

- Этап 2. Проведение серии “круглых столов” с участием представителей экспертно-научного сообщества для обсуждения представленного документа.
- Этап 3. Корректировка по результатам обсуждения.
- Этап 4. Обсуждение миссии Москвы в Правительстве города.
- Этап 5. Корректировка по результатам обсуждения.
- Этап 6. Обсуждение миссии Москвы в Московской городской думе.
- Этап 7. Корректировка по результатам обсуждения.
- Этап 8. Обсуждение миссии Москвы в Минэкономразвития и Минрегионе.
- Этап 9. Корректировка по результатам обсуждения.
- Этап 10. Утверждение миссии Москвы в Правительстве Москвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АAKER Д.* Создание сильных брендов. М., 2003.
- Бир С.* Мозг фирмы. М., 2005.
- Благов Ю.Е.* Корпорация как моральный агент // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4.
- Бухвалов А.В., Катъкало В.С.* Эволюция теории фирмы и ее значение для исследований менеджмента // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1.
- Вендина О.* (http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document4668.shtml).
- Годпастер К.Е., Холлоран Т.Е.* Анатомия духовного и социального сознания корпорации: кейс Medtronic Inc. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4.
- Дмитриев М.Э.* В ожидании перспектив // Российская бизнес-газета. 2009. № 727 (43). 10 ноября.
- Клейнер Г.Б.* Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2000. № 1.
- Клейнер Г.Б.* Наноэкономика // Вопросы экономики. 2004^б. № 12.
- Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. №№ 2,3.
- Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. М., 2008^а.
- Клейнер Г.Б.* Стратегия системной гармонии экономики России // Экономические стратегии. 2008^б. № 5–6.
- Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004^а.
- Клейнер Г.Б.* Экономика развития академика Д.С. Львова // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики. М., 2009.
- Лексин В.Н.* К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3.
- Лужков Ю.М.* “Больше социальности” – девиз будущего десятилетия уверенного развития России // Московский комсомолец. 2008. 12 февраля.
- Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Экономическая наука современной России. Экспресс-выпуск. 2003. № 1.
- Пригожин А.И.* Патологии политического лидерства в России // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
- Уиллер А.* Индивидуальность бренда. М., 2004.